

Хулиан Каррон
ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА?
Увлекательное открытие

ГЛАВА ТРЕТЬЯ НЕОЖИДАННЫЙ ТРЕПЕТ

Настоящее с его потрясениями обнажило аспекты жизни, которые мы воспринимали как само собой разумеющиеся. «Но так всегда было с фактами. Они взрывали мыльные пузыри идей, опровергали теории, уничтожали убеждения»¹. Для большого числа людей внезапно стала острой, пусть даже на короткие мгновения, потребность в конечном смысле перед лицом жизни и смерти, которые нам никогда не удастся полностью держать под контролем. Ни для кого не секрет, что многие очевидные вещи перестали быть таковыми и больше не составляют наш отправной культурный багаж. И если, как говорил Морен, отличительная черта нашего времени – неопределенность, пандемия, тяжелая и продолжительная, только усугубила ее. Стало сложно, вне зависимости от нашей исходной позиции, и дальше держаться уже известного, по инерции полагаться на иллюзию, что жизнь в наших руках. Но, возможно, как ни парадоксально, когда мы видим, как распадаются некоторые наши монолитные самонадеянные представления, как образуется трещина в стене нашей уверенности, это нам помогает. Леонард Коэн поет: «Во всем есть трещина всегда, / Так проникает свет туда»².

1. «Непредвиденное – единственная надежда. Но мне твердят, что говорить так – безрассудство»

Поединок вновь начинается каждое утро. Все мы можем увидеть это, когда просыпаемся, когда готовимся вступить на путь нового дня, всем существом ожидая собственного свершения. Эта драма ярко описана в знаменитом стихотворении Монтале «Перед путешествием»:

Перед путешествием выверяют расписания,
пересадки, остановки, ночевки
и бронирования (номеров с ванной
или душем, с одной кроватью или двумя, а то и съютов);
обращаются
к путеводителям *Hachette* и к музейным гидам,
меняют валюту, отделяют
франки от эскудо, рубли от копеек;
перед путешествием извещают
друзей или родственников, проверяют
чемоданы и паспорта, комплектуют
экипировку, покупают дополнительные
лезвия к бритве, на всякий случай
просматривают завещания – чистое
суеверие, ведь авиакатастрофы
в процентном отношении ничтожны;

¹ И. Башевис-Зингер. *Враги. История любви*. Гл. 6.

² «There is a crack, a crack in everything / That's how the light gets in» (*Anthem*. Слова и музыка Леонарда Коэна. Альбом *The Future*, 1992, Columbia Records).

перед
путешествием пребывают в спокойствии, но подозревают, что
мудрый сидит на месте и что за удовольствие
от возвращения нужно платить колоссальную цену.
А потом едут, и все окей, и все
к лучшему, и все напрасно.

И что же теперь будет
с *моим* путешествием?
Слишком тщательно я изучил его,
ничего о нем не зная. Непредвиденное –
единственная надежда. Но мне твердят,
что говорить так – безрассудство»³.

Можно подготовить все, чтобы отправиться в путешествие по жизни, по каждому дню, по каждому часу, со всеми предусмотренными встречами. И тем не менее, еще не зная, как оно пройдет, мы можем признаться самим себе: «Все к лучшему, и все напрасно». Несмотря на всю нашу несознательность и рассеянность, у нас есть предчувствие касательно масштабов нашего ожидания, и мы заранее уверены, что любая подготовка не послужит цели, не обеспечит нам то, чего мы ждем, не исполнит ожидание, с которым мы просыпаемся по утрам и начинаем путь. Пережитый опыт научил нас этому. И тогда мы понимаем, насколько и правда «непредвиденное – единственная надежда»: должно случиться что-то, не вписанное в наши планы, превосходящее наши подготовительные действия, наши намерения. «Во всем – только то, что приходит к нам извне, ни за что и неожиданно, как дар судьбы, не будучи искомым нами, только это – чистая радость. Точно так же настоящее благо может возникнуть лишь извне и никогда – из нашего усилия. Мы ни в коем случае не можем создать ничего, что было бы лучше нас самих»⁴.

Ожидание достигает вершины, когда человек допускает, что непредвиденное может произойти. «Но мне твердят, что говорить так – безрассудство», – заключает Монтале. С одной стороны, он отстаивает непредвиденное как «единственную надежду», а с другой, отрицает его возможность. Люди «знающие» заявляют, что это по-детски, что это удел лишь наивных людей, простачков – думать, будто непредвиденное действительно может случиться. Часто мы и сами чувствуем на себе хватку подобного искушения и соглашаемся: «Да, говорить так – безрассудство». Но правда ли это? Если мы подчиним разум опыту, то осознаем: единственное настоящее безрассудство – загонять реальность в узкий горизонт «уже известного», считать, что мы все знаем, диктуя границы возможного, а значит, ничего не ожидая.

«Мне кажется, – говорит Мишель Уэльбек устами удрученного главного героя своего последнего романа, – что, даже увязая в настоящей ночи, полярной ночи, которая длится шесть месяцев кряду, человек не утрачивает представления и воспоминаний о солнце. Я вступил в *ночь без конца*, но все же во мне, в глубине моего существа теплилось нечто – не надежда, нет-нет, а скажем так, неуверенность. Иначе говоря, сделав последний отчаянный ход и проиграв партию, некоторые... продолжают уповать на то, что *нечто на небесах* возобновит игру... даже если сами эти люди никогда, ни разу в жизни не ощутили ни вмешательства, ни просто присутствия какого бы то ни было божества, даже если они сознают, что не особенно-то и заслуживают вмешательства благожелательного божества

³ E. Montale. *Prima del viaggio // Tutte le poesie*. P. 390.

⁴ С. Вейль. *Тяжесть и благодать*. М.: Русский путь, 2008. С. 53.

и отдают себе отчет, учитывая нагромождение ошибок и прегрешений, из которых и состоит их жизнь, что заслуживают этого меньше, чем кто-либо»⁵.

Единственное несомненное безрассудство – отрицать возможность события. Джуссани говорит о самом настоящем «преступлении против высшей категории разума, категории возможности»⁶. Хотя скептическая позиция и кажется самой разумной, на самом деле она есть преступление против разума. Никто не в силах утверждать (вот это уж точно безрассудно), что знает все, что всем управляет, что в состоянии все предусмотреть, тем самым исключая возможность непредвиденного события, о котором говорит Монтале. Категория возможного неотъемлема от природы разума. И поэтому единственная действительно разумная позиция – оставить открытой возможность, и не только в начале, но всегда, сейчас, в любой момент жизни.

Допускать, что может произойти что-то превосходящее нашу способность предвидеть, – значит не отказываться от разума, а использовать его в полную силу, согласно его природе и его изначальной динамике: быть окном, распахнутым в реальность, а не ее мерилком. Априорный скептицизм по отношению ко всему, что превосходит нашу меру, – препятствие для разума, а не его вершина, и он касается и нас, больше, чем мы думаем, он проникает в нас, а мы даже не замечаем⁷.

Один молодой друг пишет мне: «Хочу коротко рассказать тебе, как я жил в последний период, прочитав вопрос, заданный к упражнениям: „Есть ли надежда?“ Лучше всего эти месяцы описывает песня Кьеффо „Amare ancoга“: „Как горько, любовь моя, / видеть вещи, как вижу их я“. Я замечаю, что больше нет той свежести, какая была в первые годы университета, в моем взгляде нет прежней простоты: скептицизм, захватывающий мир, захватывает и меня. Часто я замечаю, как изо всех сил сопротивляюсь и не могу сказать, что все мне дается Богом и все является даром. Я смотрю на красивый пейзаж и обнаруживаю в себе едва различимое недоверие к опыту соответствия, который переживаю перед этой красотой, недоверие, причиняющее мне боль, делающее меня очень печальным: как *горько* видеть вещи таким образом! Я ощущаю горечь, потому что когда-то от первого лица переживал другой взгляд на реальность и свидетельствовал о нем. Музыка, которую я изучаю, небо, море, горы, деревья – во всем я признавал знак Того, Кто оказывает мне предпочтение, Кто утверждает меня как единственное в своем роде существо, исключительное и неповторимое в масштабе целой вселенной. Такой же скептицизм я, к великому сожалению, чувствую и в отношении Христа, хотя я и признал Его присутствие в этой компании. Песня Кьеффо продолжается: „Достаточно лишь вновь стать как дети и вспомнить... / что все дано, / что все обновлено и освобождено“. Я жил так в первые годы участия в CLU [«Студенты „Общения и освобождения“». – *Примеч. перев.*], и это поистине был рай на земле». Отсюда у него рождается вопрос: «Есть ли надежда на то, что я вновь уподоблюсь детям, буду смотреть, как раньше? Возможно ли перевоспитать засоренный взгляд?»

Нас захватывает скептицизм, а вместе с ним – недоверие, разрушающее любой намек на красоту, что возникает на нашем пути⁸. Тень, которую это недоверие отбрасывает на все прекрасное, предстающее нашему взору, – своего рода проклятье. И из его следствия – печали, из самого ее нутра поднимается вопрос: «Есть ли надежда на то, что я вновь уподоблюсь детям, буду смотреть, как раньше? Возможно ли перевоспитать засоренный взгляд?» О том же

⁵ М. Уэльбек. *Серотонин*. М.: Corpus : АСТ, 2019.

⁶ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 40.

⁷ Василий Гроссман устами одного из персонажей своего великого романа замечает: «Мне начинает казаться, что от людей ничего здесь не остается, одно недоверие». (У Гроссмана использовано слово «бдительность», которое в итальянском переводе звучит как «недоверие», «подозрение», «сомнение». Здесь цитата изменена для большей связи с текстом Х. Каррона. – *Примеч. перев.*) См.: В. Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 1, 74.

⁸ Жан Даниэлу подчеркивает: «Вот человеческая драма нынешних людей. Сегодня мы живем во вселенной подозрительности, в мире, где мы претерпели столько лжи, что больше не верим в истинное слово, и такой мир страшен» (J. Daniélou. *La culture trahie par les siens*. Paris: EPI, 1972. P. 27).

спрашивал фарисей и законник Никодим: «Могу ли я родиться заново, будучи стар?»⁹ Какая благодать – повторять этот вопрос не риторически, не как одну среди многих других цитат, словно прикрывая нашу бедность «порцией» культуры, а с удивлением, замечая, как он пробивается из наших сокровенных глубин во всей своей истинности! «Можно ли родиться заново, будучи старыми?»

Мы часто обнаруживаем, что не готовы к открытости перед категорией возможного, с легкостью захлопываем, запираем дверь перед происходящим. Одна студентка пишет: «Сколько моментов было растрачено впустую в месяцы, предшествовавшие второй волне! Ничто, казалось, не имело ко мне отношения. Потом, в ноябре, случилось много событий, пробивших брешь. Прежде всего, мне пришел положительный тест на коронавирус, и начались двадцать пять дней изоляции в моей комнате. Парадоксально, но в тот период я больше всего чувствовала поддержку как близких, так и новых для меня лиц. Как раз месяц изоляции я вовлеклась в организацию университетских выборов, и эти дни получились очень насыщенными. Компания, которую разные люди составляли мне в ноябре, была для меня чем-то исключительным, особенно если я думаю, в каких необычных обстоятельствах все происходило. На последние дни карантина выпал мой день рождения. В полной изоляции, вдалеке от друзей и семьи, мне представилась возможность вновь ощутить на себе огромную и безвозмездную любовь со стороны важных для меня людей, которые нашли весьма креативные способы побыть со мной в течение дня. Я испытываю настоящую благодарность, чувствую, что мне повезло. Азурменди¹⁰ встретил Движение, слушая радио, я же вновь „нашлась“, когда сидела в одиночестве в своей комнате: через видеозвонки и выборы. Нужно было заболеть коронавирусом, чтобы вернуться к жизни? Действительно, нет ничего предсказуемого и заурядного в том, каким образом Тайна достигает нас. А значит, основополагающая задача – просить об открытости. Но именно это порой и кажется мне драматичным, и, чем больше моим временем овладевает ничто, тем труднее просить».

Осознать, насколько первостепенна такая открытость, такая готовность, – уже большой шаг. Часто как будто ничего не стоит оставаться открытыми, готовыми, и тем не менее это основополагающий момент. Неслучайно Иисус говорит: «Блаженны нищие духом, ибо [только] их есть Царство Небесное»¹¹. Иными словами, то, что способно утолить ожидание сердца, должно найти в нас открытость, готовность впустить его, «трещину», через которую проникнет свет¹².

Как я сказал, такое кажется нам невозможным. Но что, если это произойдет? Что, если мы с этим встретимся? Что, если оно выйдет искать нас? Что, если, как написал Мануэль Вилас в газете *El País*, «красота небес снизойдет на всех мужчин и женщин на планете»?¹³ Если случится непредвиденное, потребуется последняя готовность, честность, которая тесно связана с использованием разума и ни в коей мере и ни при каких обстоятельствах не является самоочевидной. «Слово „разумный“ означает того, кто подчиняет собственный разум опыту»¹⁴. Я никогда не перестану повторять себе эту фразу Жана Гитона – настолько

⁹ «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3:4).

¹⁰ Микель Азурменди, баскский антрополог и философ, в течение долгой карьеры занимался наиболее острыми темами современного общества, такими как иммиграция, национализм, джихад и общественная ценность религиозного опыта. О своей встрече с «Общением и освобождением» он рассказал в книге *El abrazo. Hacia una cultura del encuentro / L'Abbraccio. Verso una cultura dell'incontro*, опубликованной в Испании (Editorial Almuzara, 2018) и Италии (Bur : Rizzoli, 2020). См. здесь. С. ***.

¹¹ Мф. 5:3.

¹² Льюис пишет: «Я не способен прямым нравственным усилием пробудить в себе новые стимулы. Сделав всего несколько шагов по дороге христианства, мы начинаем понимать, что все необходимые перемены внутри наших душ может произвести только Бог. <...> Мы в лучшем случае не противимся тем переменам, которые Он производит в нас». (К. С. Льюис. *Просто христианство*. М.: Fazenda «Дом надежды», 2005. С. 164).

¹³ M. Vilas. *La poesía // El País*. 29 diciembre 2020.

¹⁴ J. Guignon. *Nouvel art de penser // Œuvres Complètes. Sagesse*. Paris: Desclée de Brouwer, 1971. P. 97.

решающую роль она играет для жизни. Когда случается нечто непредвиденное, каждый проверяет, испытывает свою готовность подчинить разум опыту. Такая готовность – знак зрелости, которой человек, если он не обладает сердцем ребенка, достигает, только проделав долгий путь¹⁵.

Мы замечаем, какую позицию занимаем, в самых разных ситуациях. «Я работаю медсестрой операционного зала, и в ноябре меня в буквальном смысле забросило в интенсивную терапию для больных коронавирусом. Я думала, что справлюсь, ведь я хотела помогать. Огромная ошибка! Реальность, с которой я столкнулась, была невыносимо суровой, все, чем я была, чем, как мне казалось, я являлась, вся моя уверенность – все испарилось, когда я переступала порог отделения. Я начала думать, что это выше моих сил и попросила перевести меня в другое место. Но на ранящие нас вопросы требуется ответ, а не смена обстоятельств, и потому вопросы оставались. Возвращаясь в ковидное отделение, я заметила очень молодых коллег, которых приняли на работу в связи с чрезвычайной ситуацией и которые работали с радостью и увлеченностью, поражавшими меня и вновь возрождавшими во мне желание быть там. Нужно следовать за кем-то, у кого на лице ясно прописана надежда. Нужно, чтобы кто-то вновь открыл нам горизонт».

2. Есть те, кто утверждает, что непредвиденное произошло

«Мы нашли Мессию»¹⁶. Эта весть пронизывает историю: то, чего ожидает наше сердце, стало присутствием, непредвиденное, о котором говорил Монтале, случилось в определенном месте в определенное время. Эта весть охватывает историю с того дня, когда Иоанн и Андрей встретили Иисуса из Назарета на берегу Иордана чуть больше двух тысяч лет назад.

Перед нами, людьми, которых достигла эта весть, стоит проблема ее достоверности: действительно ли Иисус из Назарета – тот, кем Он, по Его словам, является? Действительно ли Он Бог, ставший человеком? Рассмотрим содержание вестей. Что же произошло? Неведомая цель нашего ожидания, бесконечность, которой жаждет наше сердце, «безграничность» стала человеком, стала присутствием: «Слово стало плотью»¹⁷.

Наши календари до сих пор ведут отсчет от момента свершения того факта, того события. Мы живем в 2021 году *от* Рождества Христова. Однако недостаточно передавать весть на словах, чтобы придать ей достоверности в наших глазах. Мало найти запись о ней в книге по религии или истории и каждый год видеть дату в календаре. Как можно проверить содержание, которое она несет в себе? Что позволяет человеку, приходящему в мир через день или через две тысячи лет (тут нет разницы) после Его исчезновения с земного горизонта, «осознать, действительно ли Он соответствует той истине, какой, по Его словам, Он является?»¹⁸

Прежде всего, раз это факт, имевший место в истории, то и сегодня необходимо замечать его как факт, чтобы признавать в нем осуществление нашего ожидания. Должны сохраняться отличительные, самобытные черты христианской вестей: «божественное стало человеком», человеком, которого можно было встретить на улице, целостным человеческим присутствием, подразумевающим метод встречи¹⁹.

Если две тысячи лет назад именно факт исполнил бесконечное желание человека, значит, и сегодня его исполняют не речи и не правила; мало прочитать рассказ в книге, пусть даже

¹⁵ «Христос, – замечает Льюис, – вовсе не имел в виду, чтобы мы оставались детьми по разуму. Совсем наоборот: Он призывал нас быть не только „кроткими, как голуби“, но и „мудрыми, как змии“. Он хочет сердце ребенка, но голову взрослого» (Ср. К. С. Льюис. *Просто христианство*. С. 74).

¹⁶ *Ин.* 1:41.

¹⁷ *Ин.* 1:14.

¹⁸ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 13.

¹⁹ *Там же*. С. 25.

и важной. Сердце человека не изменилось, потребность в полноте осталась той же самой и соответствует ей только факт. Это как с вакциной от коронавируса: она должна быть реальной, доступной всем, чтобы все могли проверить ее эффективность. Недостаточно знать, что ее изобрели, каждому необходимо увидеть ее, соприкоснуться с ней, ощутить на себе ее положительное действие.

Следовательно, мы должны замечать «факт» двухтысячелетней давности сегодня, как заметили его те, кто первым встретил Иисуса. Но каким образом встретить это присутствие мне и тебе, современным людям две тысячи лет спустя? Какое у него лицо, какой облик? «Иисус Христос, Человек, живший две тысячи лет назад, таится, становится присутствием под покровом, под видом иной человечности. Мы встречаемся, сталкиваемся с иной человечностью, соответствующей структурным потребностям нашего сердца больше, чем любые наши мысли и фантазии: мы этого не ожидали, мы о таком и мечтать бы не могли, это было невозможным, такого нет нигде»²⁰.

Так случилось с Микелем Азурменди: лежа в больнице в тяжелом состоянии, он столкнулся с человеческой инаковостью, с новым оттенком в сравнении со всем, что с ним происходило ранее. Он услышал по радио журналиста, который рассуждал о событиях иначе, чем все остальные, и Азурменди распознал в его суждении нечто наконец-то откликавшееся в нем. Выйдя из больницы, он встретил другого человека из той же компании, который посмотрел на него настолько по-человечески, что позволил ему испытать ни с чем не сопоставимое соответствие его исходному опыту, а затем – еще одного, и еще одного, и увидел во всех тот же самый оттенок, тот же самый взгляд. Они пребывали в реальности иначе, чем остальные, более человеческим образом, и это притягивало его, наполняя восхищением и бросая вызов глубинам его сердца²¹.

Такая же динамика может, точнее, должна иметь место, когда с человеком уже произошла определенная встреча и он живет погруженным в христианский опыт, а иначе после встречи он скатывается в скептицизм, описанный Монтале.

Один студент пишет мне: «Всего несколько дней назад казалось, что жизнь утратила лоск: я начал блекнуть. Потом моему папе позвонили с работы и сказали на всякий случай сдать мазок после контакта с клиентом, у которого при отсутствии симптомов подтвердился коронавирус. Через два дня он получил положительный результат, и мы все оказались на карантине. Прошла неделя, опасность миновала, а я продолжил жить почти по инерции. У меня не было сил даже на то, чтобы созваниваться с друзьями, я не видел дома пространства для того, что ты называешь событием. Спустя несколько дней, устав от такого постоянного выживания, я бросил все силы на дела (помогал маме по дому, готовил для моей семьи), чтобы обнаружить проблеск настоящей жизни. Все впустую, и более того, ограниченность загоняла меня во все более глубокую яму. Тогда я переключился на книги. Шло время, я взглянул на часы: половина седьмого вечера. Я вспомнил о твоей встрече со студентами. Две минуты колебаний: участвовать, не участвовать. В конце концов подключаюсь. В определенный момент слышу, как кто-то говорит: „Пережив во время университетских выборов опыт полноты, тем более что они завершились неожиданным и весьма удовлетворительным результатом, я заметил странное беспокойство. Как и дальше переживать опыт полноты сейчас, когда я вернулся к повседневным делам?“ Ты начинаешь отвечать: „Детали, вызывающие в нас странное беспокойство, играют решающую роль...“ Что-то щелкнуло, и я провожу остаток встречи, уткнувшись в экран, ожидая другие слова, которые вернули бы мне жизнь. Закрываю программу, возвращаюсь к „настоящей жизни“. Ужинаю, убираю со стола, сажусь ненадолго перед телевизором. Все кажется обычным, но, когда я ложусь, мне не удается уснуть. Прокручиваю в голове твои слова, и, отбросив гордость, начинаю молиться

²⁰ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2020. P. 201.

²¹ См. X. Каррон. *Видишь только то, чем восхищаешься*. День начала года для взрослых и студентов из «Общения и освобождения». Видеоконференция, 26 сентября 2020 г.

настолько по-человечески, что и теперь, думая об этом, прихожу в волнение. На следующий день я не я! Я замечаю в себе „абсурдное“ спокойствие, и оно таинственным образом выливается в то, что я отношусь к моей семье, готовлю и учусь с невообразимой радостью. А ведь я не хотел подключаться! Меня переполняет благодарность. Как здорово жить так!»

Мы можем признать истинность достигающей нас сегодня вести, только сталкиваясь с событием новой человечности, переживая на опыте изменение, которое оно в нас порождает. «Абсурдное спокойствие» – такими словами современные молодые люди обозначают что-то удивительно великое, «невообразимую радость», которую человек не в состоянии дать себе сам. Речь идет, пишет Николай Кавасила, о «новой жизни, ибо она не имеет ничего общего с жизнью ветхой; о непостижимо лучшей жизни, ибо, хотя она и свойственна человеческой природе, это жизнь Бога»²².

3. Нередуцируемость христианского факта

Всмотримся внимательнее в природу «факта», порождающего новую человечность. Все мы погружены в историю, которая в большей или меньшей степени несет христианскую весть, вызывая разные реакции. Я опять вспоминаю об Азурменди. Признанный антрополог и социолог, он знал о христианстве, был знаком с его учением, с его моралью, ценностями, но интерес к христианству в нем, уже пожилым человеке, вновь пробудили не знания. Напротив, он на долгие годы отдалился от него, как говорится, поставил на нем крест. От чего же несколько лет назад вспыхнула искра, разжегшая в нем любопытство и желание заново открыть для себя христианство, сломать стену, выстроенную из прежних знаний? Что бросило вызов его позиции, его установкам? «Факт», не поддающийся редукции, несводимый до объяснений с точки зрения ученого и человека, не вписывающийся в категории, через призму которых он до того момента смотрел на реальность, включая и христианство.

Этот «факт» нельзя было обобщить, подвести под какую-либо категорию, объяснить в рамках привычной для него мировоззренческой картины, его мыслительных шаблонов. Азурменди не удалось «подогнать», то есть подвести, обобщив, под одну из своих концепций, под универсальные абстракции, как говорит Джуссани²³, ту радиопередачу, а потом и другие встречи, случившиеся с ним после выписки из больницы. Не удалось как раз в силу инаковости, которую они несли в себе. Инаковость была настолько разительной, что покорила его: тот факт привлек его, заинтересовал, привязал к себе, Азурменди с удивлением заметил, что прилепился к нему. В результате в его жизни возникло новое познание, новое отношение ко всему, он переродился, стал в большей степени самим собой. Об этом говорил друг, которого я цитировал выше: «На следующий день я не я!» Он был в большей степени самим собой.

Не все можно вместить в наши устоявшиеся представления, в шаблоны, в которые мы привыкли загонять происходящее. Есть факты, не поддающиеся редукциям, заключающие в себе что-то, что сопротивляется существующей мировоззренческой картине, опрокидывает, превосходит ее. Такие «факты», говорили мы часто, – «люди или моменты в людях»²⁴, которые несут нечто новое, глубоко желанную истину о человеке, несравненную и, кажется, невозможную. Недаром святой Павел говорит о «новой твари». «Быть новым человеком – значит быть тем, кто всей своей жизнью возвещает – посредством того, что уже в нем присутствует, – Грядущего»²⁵. Тот, кто сталкивается с этими фактами, с этими людьми

²² N. Cabasilas. *La vita in Cristo*. P. 126.

²³ «Окружающий нас менталитет... чтобы вынести суждение, всегда пытается обобщить частности до универсальных абстракций» (Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека : Новое небо, 2019. С. 91).

²⁴ Л. Джуссани. Пасхальный плакат, 1992. См.: L. Giussani. *In cammino (1992–1998)*. Milano: Bur, 2014. P. 366.

²⁵ P. Evdokimov. *L'amore folle di Dio*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2015. P. 69.

и позволяет им себя привлечь, сам начинает по-новому переживать реальность и первым удивляется: «Как здорово жить так!»

«Дорогой Хулиан, в последние полгода случилось событие, наложившее глубокий отпечаток на мой подход ко всему: в мою жизнь жестоким образом проникло ничто, о котором мы так много говорим. В один июньский день мы узнали, что парень моей сестры неожиданно совершил самоубийство. Наступили дни великой скорби и растерянности. Я осталась дома с сестрой, чтобы поддержать ее. Было очевидно, что никакие разговоры, религиозные и нерелигиозные, не избавляли от драмы, которая развернулась в нас, открыв непрестанно кровоточившую рану: что остается для меня сегодня? Что значит в настоящий момент, что Христос победил смерть две тысячи лет назад? Что значит, что смерть не последнее слово обо всем, особенно когда кто-то добровольно выбирает ее? Как жизнь может быть в большей степени жизнью? Как я могу переживать здесь и сейчас „во сто крат“?» Все, что она получила в качестве христианского обетования, пошатнулось под ударом: действительно ли это правда? «А моя сестра? Одним словом, есть ли надежда? Благодаря компании некоторых друзей во мне сразу же стало возрастать сознание, что Христос воплотился ради меня, чтобы я могла испытать близость и конкретность отношения с Ним. Я пережила то, о чем ты писал в книге „Сияние в глазах“: „Присутствие Христа современно нам. Чтобы это заметить, нужен тот же опыт, что и две тысячи лет назад... – столкновение с иным человеческим присутствием, пробуждающим новое предчувствие жизни и поражающим нас тем, насколько оно, как ничто другое, соответствует нашей врожденной жажде смысла и полноты. Сегодня тоже нужна... встреча, заключающая в себе „весь смысл, всю ценность, все желанное, все справедливое, все прекрасное и все достойное любви“. Христос побеждал во мне, во всех моих ранах, во всех возражениях, связанных с последними месяцами, побеждал Своей современностью, которая в те дни передавалась через человеческие черты моих друзей. Его взгляд порождает во мне надежду, что ничего не будет утрачено из той, на первый взгляд, выброшенной жизни, переплетенной с жизнью моей сестры и моей. Я говорю это не в приступе безумия: это мой опыт, я не могу оторвать вопрос о том, есть ли надежда, от Его плоти, присутствующей здесь и сейчас».

Новая тварь – плод этого события. Мы видим изначальное событие сегодня по его биению в новой личности, которую оно порождает. Вернемся еще раз к словам отца Джуссани: новая тварь «обретает... способность познания, отличную от той, что имеется у других людей. Она возникает из присоединения к событию, из любви (*affectus*) к событию, к которому человек прилепляется, которому говорит да. Это событие – частность истории: у него вселенские притязания, но оно – отдельный ее момент. Думать, опираясь на событие, – значит прежде всего соглашаться с тем, что не я определяю событие, а скорее, оно определяет меня. Именно в нем обнаруживается, чем я на самом деле являюсь и каковы мои представления о мире. Это вызов для окружающего нас менталитета, который, чтобы вынести суждение, всегда пытается обобщить частности до универсальных абстракций»²⁶.

Событие вносит в жизнь новизну, и ею-то и проверяется, подтверждается истинность изначальной встречи. Действительно, по каким признакам я могу понять, является ли частность, с которой я сталкиваюсь, событием Христа сегодня? По наличию в ней «вселенских притязаний», как в только что процитированных свидетельствах, по ее способности озарить любое обстоятельство и любую ситуацию, в том числе и самую ужасную: смерть.

«Все с большим изумлением я понимаю: истоки надежды – в непрестанном осуществлении присутствия, не поддающегося редукциям и всецело соответствующего сердцу. Я заметил, что мне даны факты, которые поддерживают меня, и их нельзя списать на филантропию или темперамент. В начале декабря один мой близкий друг поступил в монастырь. Полноценная человечность, влюбленность в жизнь, о которых он мне свидетельствовал, уверенность во

²⁶ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 91.

встрече с Богом и в том, что в силу Его любви у него „уже все есть“, а потому можно все оставить, поскольку „ничто не утрачивается“, – все это до сих пор ежедневно является для меня точкой невозврата. Самим фактом нахождения в монастыре и формой жизни он напоминает мне, что всеобъемлющий ответ на ожидание моего сердца есть и я могу его найти. Для меня это важнейший момент памяти: я подступаю к каждому дню и к вещам с волнующим ожиданием, благодаря которому вхожу в диалог со всем. Но как связаны его „полностью покоренное“ присутствие и надежда? Один мой друг несколько месяцев назад узнал, что у него боковой амиотрофический склероз. В этих драматических обстоятельствах у меня из головы не выходит его лицо, когда он по вечерам неизменно говорит: „И сегодня в силу того, что произошло на моих глазах, я иду спать радостным и благодарным: Господь исполняет Свое обещание“. Болезнь становится все тяжелее, а он благодарен. Что делает возможным такое всеохватное счастье его сердца, даже если он не в состоянии что-либо делать? Я не вижу того, что видит он, но я вижу его, данного мне. В конце года я предложил ребятам-скаутам, с которыми занимаюсь, провести вечер по первой главе „Религиозного чувства“. Я хотел рассказать им о том, что мне в жизни, как я вижу, помогает больше всего, – о сердце. Я попросил их поделиться самым прекрасным за прошедший год (а в год пандемии можно было слышать разговоры, сосредоточенные исключительно на трудностях, негативе и страданиях), и одна девушка сказала: „Каждый раз, когда на встречах или собраниях речь заходит о сердце, я спрашиваю себя, слушаю ли я свое сердце, удастся ли мне за ним следовать. Это самое ценное открытие за весь год!“ Несколько недель назад снова закрыли школы (я учитель), и в первый момент досады у меня возник вопрос: а может, мне еще раз дается возможность научиться любить учеников, которые сегодня есть, а завтра нет? С таким вопросом я пошел на мессу, и меня растрогало осознание, что даже в красной зоне, даже с закрытыми школами Христос продолжает давать мне Себя. „Радует сердце мое, ибо Ты живешь, Христе“. Вот она, надежда! Где Ты живешь? В невозможном, но реальном присутствии друга из монастыря, в радостном лице друга, идущего навстречу судьбе через болезнь, в Движении, порождающем меня, позволяющем замечать все это, так что я могу сделать ставку на сердце ребят, живущих „во власти“ мира. Сколько фактов я вижу ежедневно, фактов, которые помогают мне переживать опыт соответствия и напоминают: Христос жив, Он все во всем! Только это поддерживает меня. На днях я в рамках каритативы отнес продукты одной семье. Они предложили мне кофе. Имея перед глазами все перечисленные факты, я впервые решил остаться. В гостининой собралась с соблюдением необходимой дистанции вся семья. Одна из дочерей молча смотрела на меня, и видно было, что про себя она спрашивала: „Почему ты здесь? Почему мы тебе интересны?“ Когда Христос живет в сердце, реальность, даже чужая, становится обитаемым домом. Я на коленях благодарю Движение – хранителя такого живого человеческого взгляда, исполненного надежды, потому что это Он Сам, присутствующий, воплощающийся в моей жизни».

Чтобы бросить вызов всеобщему менталитету, «факт» необязательно должен ошеломлять. Сила факта, частности не зависит от ошеломительности. Это может быть всего лишь дуновение, но такое, в котором есть притягательная инаковость. Сила факта, его уникальность – в заключенной в нем инаковости. Азурменди отчетливо уловил ее в журналисте, выступавшем на радио. Отец Джуссани в беседе с Джованни Тестори, состоявшейся в 1980 году, говорил о людях, которые являются «присутствием»²⁷.

Мы неоднократно становились свидетелями подобных фактов, но часто, вместо того чтобы следовать за ними в простоте, как Азурменди, мы загоняем их в нашу систему мышления, в рамки уже известного. В результате они не сообщают нам ничего нового. Можно быть причастными к христианской истории, которая полна таких фактов, и продолжать сводить

---

²⁷ «Мне не удастся найти никакого другого признака надежды, кроме растущего числа таких людей, являющихся присутствием. Рост числа таких людей и неизбежная симпатия... между этими людьми» (L. Giussani, G. Testori. *Il senso della nascita*. Milano: Bur, 2013. P. 116).

христианство к этике, к обряду, к стереотипам, созданным коллективным воображением. Однако ни одна из урезанных его форм не в состоянии пробудить надежду.

В момент, когда христианство осуществляется и принимается как событие, мы сознаем, какую инаковость оно приносит в жизнь. Те, кто участвует в христианстве как в событии, выводят на чистую воду любые редуцированные представления о нем. Об этом рассказывает одна молодая подруга, написавшая мне: «Несколько дней назад случилось событие, которое помогло мне понять, что произошло в моей жизни. Я говорила с моей матерью о Рождестве, и вдруг она в шутку сказала мне, что в глубине души хотела бы верить в Деда Мороза, поскольку чувствует потребность в существовании фигуры, несущей надежду, лица, о котором можно думать и говорить: „Он все может, на него я возлагаю надежду, что все будет хорошо“. Слова моей матери позволили мне осознать, какое предпочтение мне было оказано во встрече с Движением. Моя мать – верующая женщина, она каждое воскресенье ходит на мессу и все же возлагает надежды на Деда Мороза, потому что он для нее обладает конкретным лицом! Для меня это было доказательством того, как порой мы превращаем Бога в отвлеченное понятие, в идею. Я же встречаю Его каждый день, Он присутствует в жизни, и я могу признавать Его благодаря принадлежности к определенной истории. Я открыла Его во встрече с этой частной историей, и так во мне родилась надежда».

Сталкиваясь с присутствием, не поддающимся нашим редуциям, мы освобождаемся из неизбежного плена представлений, свойственных всеобщему менталитету. Только такое присутствие несет в себе основание для надежды, прочно укорененное в самой его глубине.

«Есть ли надежда? Этот вопрос ставит меня в затруднительное положение. В такие времена, как сейчас (я изучаю медицину, и санитарная ситуация затрагивает меня непосредственно), отвечать теоретическими фразами можно очень недолго. В конце дня вопросы лишают сна и сил. Непременно должен существовать истинный ответ, выдерживающий драму повседневности, а теоретические ответы делают все еще более тяжелым [и в конечном итоге усугубляется нигилизм – добавляю я]. Когда я пытаюсь ответить на вопрос: „Есть ли надежда в болезни моего папы?“ – единственный способ ответить – смотреть на моего папу. Есть ли надежда перед лицом пандемии? Первое, что приходит в голову [кажется, это лишь дуновение] – воодушевленный взгляд моей подруги, которая при всей ее тяжелой работе в больнице не сдается. Так, если задуматься обо всех трудных для меня ситуациях, только одно позволяет мне говорить, что есть какая-то надежда: лица людей, для которых она существует. Но тут драма накаляется, не утихает: наблюдая за ними, я чувствую огромное желание быть такой же и предстоять перед жизнью с их взглядом [то же самое случилось с Азурменди, сказавшим себе: «Как бы мне хотелось смотреть на мир, как смотрит на него этот журналист!»]. Но я понимаю, что для этого мало моих усилий, а иначе вечером я ложусь спать, устав от подсчета успехов и неудач [в таком случае мы вновь сводим все к этике]. И я спрашиваю себя: „Какой в этом смысл?“ Каждый день я с удивлением замечаю, как кто-то живет истинным образом, привлекающим меня и приводящим в движение, потому что я завидую иному взгляду на вещи, которые мне надоедают уже в восемь утра. Эта привлекательность пропадает через пару часов, но иногда по-настоящему заставляет вступать в игру. Отсюда вопрос: достаточно следовать за такими людьми? Достаточно оставаться в отношении с реальным присутствием таких людей, которыми усеяна моя повседневность и с которыми я чувствую, пусть даже на мгновение, что меня понимают со всеми моими трудностями и драмами?»

Ответ на этот вопрос поднимает проблему свободы. Перед присутствием людей, несущих в себе основания для надежды, каждый должен прежде всего решить, идти за желанием быть как они, оставаться в их компании или нет.

4. Опыт и критерии сердца

Как распознать такое присутствие, распознать, чем оно является, что несет в себе, распознать его подлинную ценность, дойти до истоков его инаковости? Этот вопрос касается и апостолов, даже они не были от него избавлены. Более того, именно им первым пришлось отвечать на него.

Когда присутствие Иисуса стало заявлять о себе, а слух о Нем, о том, что Он говорил и делал, – разноситься повсюду, начали возникать и различные толкования Его фигуры, особенно со стороны тех, кто ощутил посягательства на свою власть, на свой «авторитет», – книжников, фарисеев, интеллектуалов, старейшин народа. Как первым ученикам, пошедшим за Ним, удалось понять, что стоило следовать за тем Человеком, стоило прилепиться к Нему, поставить всю жизнь на Него?

Как распознать среди множества схожих человеческих лиц *то самое лицо*? Какой критерий можно для этого использовать? Он должен бы быть нам уже хорошо знаком, мы должны были усвоить его из опыта. Единственный адекватный критерий, позволяющий распознать присутствие, несущее в себе смысл, соразмерный жизни, – тот, который дает нам наша природа, подталкивающая к всеобъемлющему сопоставлению с тем, с чем мы встречаемся на своем пути. Критерий этот – сердце, совокупность очевидностей и потребностей (в истине, красоте, справедливости, счастье), которые проявляются в нас, когда мы всерьез относимся к тому, что испытываем. «В опыте реальность... которая... тебя поражает, шокирует (*affectus*), – говорит Джуссани, – выявляет критерии сердца, пробуждает сердце, до этого растерянное и спавшее, а значит, пробуждает тебя для самого себя. И тогда начинается твой путь, потому что ты пробужден, мыслишь критически»²⁸.

В нас действуют – наперекор нам самим – объективные и безошибочные критерии, не дающие нам поблажек. Об этом драматично свидетельствует Павезе. Четырнадцатого июля 1950 года, получив премию «Стрега», он пишет: «Вернулся из Рима, уже давно. В Риме апофеоз. И что с того?»²⁹ Как будто осуществилась запись, которую он сделал в дневнике многими годами ранее: «Есть что-то печальнее провала собственных идеалов, – их достижение»³⁰. Меньше чем за год до смерти он признается: «Сколько раз в этих последних заметках ты писал: „А дальше?“ Начинает смахивать на клетку, нет?»³¹ Двадцать второго июня 1950 года, узнав о большом успехе, он прокомментировал: «Блаженство. Без сомнения. Но сколько раз я еще вкушу его? А дальше?»³² Чего недоставало его жизни, такой успешной в глазах мира? Семнадцатое августа 1950-го: «Титулы не важны. Разве они не случайны: не одни, так другие? Факт остается фактом: я знаю свой самый громкий триумф, и триумфу этому не хватает плоти, не хватает крови, не хватает жизни»³³. Под бременем этой нехватки десять дней спустя он лишит себя жизни!

Подобный опыт отмечает Камю в «Записных книжках» в день собственного большого успеха: «Семнадцатое октября. Нобель. Странное ощущение подавленности и тоски»³⁴.

Мы не можем обойти образующие критерии сердца, потребность в смысле, в справедливости, в счастье, в любви. До некоторых пор их можно заглушать или замалчивать, но искоренить их нельзя. Они являются неотъемлемой частью опыта. Джуссани открыто говорит о том, как трудно нам признавать, что «начало суждения об опыте заключено в самом опыте». «Если бы, – подчеркивает он, – принципы, позволяющие судить о собственном опыте, не содержались бы в самом этом опыте, человек был бы отчужден от самого себя, потому что

²⁸ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Milano: Bur, 2011. P. 83.

²⁹ C. Pavese. 14 luglio 1950 // *Il mestiere di vivere*. P. 360.

³⁰ C. Pavese. 18 dicembre 1937 // *Ibidem*. P. 66.

³¹ C. Pavese. 16 ottobre 1949 // *Ibidem*. P. 340.

³² C. Pavese. 22 giugno 1950 // *Ibidem*. P. 360.

³³ C. Pavese. 17 agosto 1950 // *Ibidem*. P. 362.

³⁴ A. Camus. *Carnets III. Mars 1951 – Décembre 1959*. Paris: Gallimard, 1989. P. 214.

ему пришлось бы зависеть от чего-то другого, чтобы судить о себе»³⁵. Описанные потребности не возникают из того, что человек испытывает, а «рождаются в нем перед лицом того, что он испытывает, рождаются в нем, когда он вовлечен в то, что испытывает»³⁶, и становятся критерием суждения о том, что он испытывает.

Критерий суждения должен быть «присущ изначальной структуре личности». Речь об «объективном критерии, с помощью которого природа подталкивает человека ко всеобъемлющему сопоставлению, наделяя его изначальными потребностями, тем исходным опытом, каким все матери *одинаково* наделяют своих детей. Только такое идентичное для всех глубинное сознание преодолевает анархию»³⁷, субъективизм.

Нельзя говорить об опыте (порой такой соблазн существует), отождествляя его просто с тем или иным переживанием. «Категория *опыта*, как мы ее понимаем, обладает абсолютным критическим значением», – утверждает Джуссани. Ее следует понимать не как «непосредственное чувство», а как «место, где столкновение с реальностью пробуждает образующие потребности человеческого сердца, запуская поиск ответа на вызовы, исходящие от реальности». Отсюда следствие: «*Опыт*, таким образом, есть среда, в которой личность призвана проверять, действительно ли факт Христа – подлинная, великая рабочая гипотеза – в состоянии ответить на возникшие вопросы достоверным и полным образом, с учетом всех факторов, как не отвечают никакие другие предложения». Он тут же добавляет: «Поэтому „Общение и освобождение“ стремится лишь к одному: вновь открывать и переживать по-настоящему тот факт, что христианская вера, как она сохранилась в русле ортодоксальности, отвечает на глубинные человеческие потребности лучше, чем любое другое предложение»³⁸.

Вот почему подлинная катастрофа наших дней заключается в ослаблении сознания об этих потребностях, в помутнении понимания собственной идентичности. В самом деле, Христос пришел, чтобы ответить людям, а не «омертвевшим существам наподобие роботов». Как говорит в уже процитированной фразе Рейнгольд Нибур, «нет ничего невероятнее ответа на незадачный вопрос». И потому «единственная цель СЛ» – «свидетельствовать о разумности веры, о вере как о *разумном послушании*, где под разумностью понимается, согласно представлениям святого Фомы, опыт соответствия между предложением веры и структурными потребностями человеческого сознания»³⁹.

Инаковость христианского события целиком сосредоточена в опыте, который оно порождает. Факт встречи с Иисусом пробуждает в учениках опыт несравненного соответствия: «Мы нашли Мессию». Все прочие благоприятные события, на которые мы надеемся в жизни, включая и успехи, которых нам удается добиться, не удовлетворяют ожидание, не исполняют обещание и в конечном итоге становятся причиной глубокого разочарования. Глядя на них, мы вслед за Павезе спрашиваем: «И что с того?»

Вернемся к главному. Опыт в истинном смысле как место познания и проверки нельзя отождествлять всего лишь с субъективными впечатлениями или с сентиментальной реакцией. Опыт есть «цельное, свойственное жизни действие, вытекающее из тройственного фактора: *встречи с объективным событием*... не зависящим от человека, переживающего опыт; способности должным образом воспринять значение этой встречи...; *сознание о соответствии* между значением события, с которым мы сталкиваемся, и смыслом собственного существования... Именно сознанием о таком соответствии проверяется личностный рост, играющий основополагающую роль в феномене опыта». Таким образом, подлинный опыт обязательно предполагает «самосознание и способность к критическому мышлению»⁴⁰.

³⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* P. 83–84.

³⁶ *Ibidem*. P. 82.

³⁷ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 9, 13.

³⁸ L. Giussani. *Il ragionevole ossequio della fede*. / A cura di A. Metalli // *30Giorni*. N. 5. 1988. P. 40–41.

³⁹ *Ivi*.

⁴⁰ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 133–134.

О том же самым другими словами говорит пророк Исаия: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» Если бы Бог действительно ответил на наше ожидание, «горы содрогнулись бы пред Ним»⁴¹. Знак исполнения обещания – дрожь, трепет, произведенный событием. Именно это случилось с Елисаветой: «Когда услышала Елисавета приветствие Марии, вострепетал младенец во чреве ее»⁴². Тот же трепет ощутили Иоанн и Андрей, когда они, встретившись с Иисусом и проведя с Ним день, сказали всем: «Мы нашли Мессию!» Тот же трепет ощутил и Азурменди: «Я не ожидал, что встречу в жизни что-то подобное. Это был большой сюрприз. Совершенно за рамками привычных вещей. Я удивился... и потихоньку вошел в состояние восхищения»⁴³. Трепет – знак того, что событие вновь происходит.

Итак, я могу распознать божественное в присутствии определенных людей, как Елисавета распознала Иисуса во чреве Марии, благодаря соответствию моему сердцу, моей человечности, которое я испытываю во встрече с ними и которое выражается в «трепете». Встреча проверяется по тому, способна ли она ввести меня в полноту реальности, позволяет ли она встречать любую ситуацию лицом к лицу, принимать вызов любых обстоятельств. «Господь пришествием Своим... принес все новое тем, что Он возвещенный принес Себя Самого»⁴⁴, – говорит святой Иринеи. Он принес новое во всякую вещь. Какой опыт должны были переживать первые христиане, чтобы описывать Христа таким образом!

Это произошло и продолжает происходить, как в последние месяцы произошло с хозяином бара, расположенного в университетском квартале, куда в основном заглядывают студенты. «Мы из CLU – те немногие, кто по-прежнему посещает несколько аудиторий, открытых в университете для занятий. Каждое утро мы заказываем кофе на вынос в одном и том же баре и подружился с теми, кто его содержит. В пятницу утром мой двоюродный брат зашел туда последним и спросил у бармена, работающего там с 1982 года, как идут дела. Он ответил: „Работы мало, но, к счастью, есть вы. Я знаю: вы из CL, это понимаешь сразу, вы точно такие же, как и те, кто приходил тридцать лет назад, вы единственные вдыхаете жизнь в университетский квартал“. Как, спросил я себя, он понял, что мы из CL, что мы и люди тридцать лет назад – одно и то же? Но прежде всего, как возможно, что он говорит о нас, в том числе и обо мне, как о тех единственных, кто вдыхает жизнь в университетский квартал? Причина не в наших, не в моих способностях. Нет, дело во встрече, которая случилась со мной и оцарапала мое сердце, навсегда оставила в нем отпечаток, вплоть до того, что я иначе стал смотреть на реальность, общую для всех людей. И поэтому мне не нужно совершать ничего ошеломительного, достаточно просто быть самим собой. Во мне возросло сознание, уверенность в том, что в конечном итоге либо есть Христос, либо *nada*, ничего нет! Я так говорю, поскольку случилось множество событий, которые, чем дальше, тем больше превращались в „пригоршни клея“, прилеплявшие, прилепляющие меня к этой компании. И я спрашиваю: „Куда я уйду от Него?“ Сейчас перед лицом фактов я не впадаю в отчаяние благодаря опыту, который переживаю: моя вера распространяется и на будущее. Оружие, с помощью которого я в повседневности отражаю вызов, исходящий от жизненных ситуаций, – доверие, вера. Обладая такой уверенностью, не делая ничего особенного, просто оставаясь самим собой, я несу нечто большее, чем я сам. Только сейчас я живу в настоящем с надеждой».

Бармен без труда признал инаковость молодых людей – по дыханию, которое они вносили в его жизнь.

⁴¹ Ср. *Ис.* 64:1. Стих частично приводится в синодальном переводе, частично – в современном русском (РБО, 2017).

⁴² *Лк.* 1:41. Пер. еп. Кассиана (Безобразова).

⁴³ «Объятие». Расшифровка видеointервью Фернандо де Аро с Микелем Азурменди, подготовленного для фестиваля «Митинг в Римини» в 2020 г. См.: Х. Каррон. *Видишь только то, чем восхищаешься*. С. 15.

⁴⁴ «*Отпет novitatem attulit, semetipsum afferens*» (*Против ересей*. Кн. IV. Гл. XXXIV. См. Св. Иринеи Лионский. *Против ересей. Доказательство апостольской проповеди*. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 422).